

УДК 159.922.73

DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-561-574

ВОЗРАСТНО-ПОЛОВЫЕ И СЕМЕЙНЫЕ ФАКТОРЫ СТРАХОВ И ТРЕВОЖНОСТИ У СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ*

Сергуничева Надежда Александровна

Центр социальной реабилитации и речевого развития «Иначе» (Санкт-Петербург)

Статья посвящена изучению страхов и тревожности старших дошкольников в связи с возрастными, половыми и семейными факторами (структурными и содержательными характеристиками семьи). В исследовании приняли участие 80 диад мать–ребенок: 38 мальчиков и 42 девочки 5–6 лет из Санкт-Петербурга. Выявлено, что общее количество страхов у дошкольников соответствует возрастной норме, при этом наблюдается высокая тревожность. Наиболее выраженными страхами оказались страхи смерти, животных и сказочных персонажей, физического ущерба. У девочек в целом страхи выражены сильнее, чем у мальчиков. У детей, имеющих сиблингов, более выражены медицинские страхи. Различий в тревожности по факторам пола, возраста и структурных характеристик семьи не было обнаружено. На общей выборке было показано, что страхи менее выражены при расширении сферы родительских чувств, а тревожность более выражена при чрезмерности санкций, что закономерно, но менее выражена при вынесении конфликта между супругами в сферу воспитания. У мальчиков общее количество страхов меньше при потворствующей гиперпротекции, а тревожность выше при принятии матерями родительской роли, чрезмерности санкций, игнорировании потребностей ребенка и ниже при неразвитости родительских чувств. Общее количество страхов у девочек больше при проекции матерями на ребенка собственных нежелательных качеств и меньше при расширении сферы родительских чувств, а тревожность ниже при потворствующей гиперпротекции. В целом гипотеза исследования подтвердилась — зрелость стилевых характеристик воспитания и благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми выступают предикторами для отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности. При этом предикторами для эмоционального благополучия дошкольников являются также те стилевые характеристики воспитания матерей, которые указывают на их эмоциональную включенность и мягкость, но не считаются зрелыми.

Ключевые слова: старшие дошкольники, страхи, тревожность, стили семейного воспитания, детско-родительское эмоциональное взаимодействие.

AGE, GENDER AND FAMILY FACTORS OF FEARS AND ANXIETY IN OLDER PRESCHOOLERS

Nadezhda A. Sergunicheva

Center of Social Rehabilitation and Speech Development «Inache» (Saint-Petersburg)

The article studies fears and anxiety of older preschoolers depending on the age, gender and family factors (content and structural characteristics of the family). The study involved 80 mother–child dyads: 38 boys and 42 girls aged 5–6 years from Saint Petersburg. The study revealed that the total number of preschoolers' fears corresponds to the age norm, however, high anxiety is observed. The most pronounced fears were fears of death, animals and fairy-tale characters, physical damage. In general, girls demonstrate more expressed fears. Children who have a sibling are characterized with more pronounced medical fears.

* Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 18-013-00990 «Семейные факторы эмоциональной компетентности дошкольников».

Differences in anxiety by gender, age and structural characteristics of the family were not found. In the general sample, it was found that fears become less pronounced with the expansion of the sphere of parental feelings, while anxiety is more pronounced with excessive sanctions, which is natural, but less pronounced when a parental conflict is brought into the sphere of education. In the sample of boys, the total number of fears is less pronounced with indulgent overprotection; anxiety is higher when mothers take the parental role, when sanctions are excessive, or the child's needs are ignored, and it is lower if the parental feelings are not developed. In the sample of girls, the total number of fears is greater when mothers project their own undesirable qualities on the children and less in the case of extension of the parental feelings sphere; anxiety is lower in the case of indulgent overprotection. In general, the research hypothesis was confirmed: the maturity of the style characteristics of upbringing and good emotional interaction of mothers with children are predictors for the absence of pronounced fears and moderate anxiety. At the same time, parental styles of mothers that indicate their emotional involvement and gentleness, though not being considered mature, also become predictors for the emotional well-being of preschoolers.

Keywords: older preschoolers, fears, anxiety, parental styles, child-parent emotional interaction.

Введение

Страхи и тревожность являются проблемными зонами развития эмоциональной сферы дошкольников. Так, дошкольное детство является сензитивным периодом для разнообразных страхов. К основным страхам дошкольников (одиночества, темноты, замкнутого пространства) после 5 лет добавляется выраженный страх смерти, который становится связующим звеном всех страхов [Битнер А.Д., 2017; Рюмина И.М., Гончаренко Н.В., 2018]. Развитие когнитивной сферы, усложнение и совершенствование игровой деятельности способствуют развитию воображения ребенка, одной из функций которого является снижение психоэмоционального напряжения. Вместе с тем активное развитие воображения способствует увеличению количества страхов в дошкольном периоде [Осорова М.В., 2011]. Таким образом, «расцвет» страхов связан не столько с развитием эмоциональной сферы ребенка, сколько с его когнитивным развитием: формированием абстрактного мышления, способности к обобщению и предвосхищению, пониманием категорий времени и пространства. Сходные данные о взаимосвязи страхов и воображения в период старшего дошкольного возраста были получены С.В. Чернобровкиной и В.В. Гусаровой. Ведущим страхом, по результатам исследования, является страх смерти (собственной, родителей). Кроме того, наблюдается выраженность медицинских и пространственных страхов, страхов темноты, кошмарных снов, стихий и сказочных персонажей [Чернобровкина С.В., Гусарова В.В., 2016].

По данным А.И. Захарова, страхи сильнее проявляются у девочек, чем у мальчиков, что отражает более выраженный у них инстинкт самосохранения [Захаров А.И., 2000]. Похожие данные представлены и в зарубежных исследованиях [Chaplin T.M., Aldao A., 2013; Olino T.M. et al., 2013], но большая выраженность страхов у девочек объясняется скорее влиянием социально-культурного контекста. Демонстрация страха и вообще эмоциональности девочками считается более социально приемлемой, чем демонстрация того же мальчиками [Root A.K., Denham S.A., 2010; Brody L.R., Hall J.A., 2008]. От мальчиков скорее требуется сдерживать и подавлять свои эмоциональные переживания. По данным Р.Ш. Сабировой, Г.У. Сатеновой, значимых различий по полу в выраженности различных групп страхов не обнаружено. У мальчиков выражены медицинские, социальные страхи, страхи животных и сказочных персонажей и страх смерти. У девочек также наблюдается выраженность данных групп страхов, за исключением более выраженного страха физического ущерба [Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У., 2016].

Другой проблемной зоной развития эмоциональной сферы является детская тревожность. По мнению А.И. Захарова, страх и тревога имеют общий компонент — беспокойство. Но если дифференцировать понятия страха и тревожности, то страх рассматривают как реакцию на конкретную ситуацию, возникающую здесь и сейчас и связанную с витальной угрозой, а тревожность — как переживание ожидания (переживания направлены в будущее) безобъектной опасности, связанной с социальной

угрозой, как правило, воображаемого характера [Фаустова И.В., 2015; Прихожан А.М., 2000; Захаров А.И., 2000]. Дети с высокой выраженностью тревожности характеризуются возбудимостью, повышенной эмоциональностью, чувствительностью и чаще переживают чувство неуверенности в новых видах деятельности [Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Исследования показывают, что детская тревожность характеризуется устойчивостью и находит свое проявление в общении, деятельности, самооценке.

В исследовании Н.В. Мазуровой, Ю.А. Трофимовой показано, что дети с высокой выраженностью тревожности демонстрируют негативные ожидания во всех ситуациях по тесту тревожности Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен. У всех детей выборки тревогу вызывают ситуация агрессивного нападения, ситуация, где ребенок является объектом агрессии, ситуации негативного отношения со стороны значимых людей (игнорирование, изоляция, одиночество). Дети с высокой выраженностью тревожности больше всего опасаются агрессии, одиночества, авторитарного отношения со стороны взрослого, изоляции от сверстников. Кроме того, только у детей данной группы обнаружены негативные ожидания в нейтральных ситуациях (ситуация умывания, одевания, игры с младшими детьми). Дети со средним уровнем выраженности тревожности также больше всего опасаются агрессии, выговора, изоляции и одиночества. Дети, демонстрирующие низкий уровень тревожности, опасаются агрессии и выговора, но ситуация изоляции от сверстников ими не воспринимается как потенциально опасная [Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Для дошкольники характерен высокий уровень тревожности, но более тревожными считаются мальчики [Швец И.Г., 2001; Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Существуют и другие данные: так, в исследовании Р.Ш. Сабировой, Г.У. Сатеновой мальчики характеризуются низким индексом тревожности, а девочки — средним [Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У., 2016]. В исследовании Н.Н. Смирновой значимых различий по полу в выраженности тревожности не обнаружено [Смирнова Н.Н., 2019].

Таким образом, мы можем видеть, что данные по выраженности тревожности у дошколь-

ников обоих полов имеют противоречивый характер.

Психоэмоциональное благополучие ребенка, а также характер и особенности детско-родительских отношений взаимосвязаны, ведь именно семья является первой и основной средой, в которой ребенок не только растет, но и развивается, наблюдая за эмоциями взрослых, затем заимствует у них и реализовывает определенные модели эмоционального реагирования. Стиль воспитания оказывает влияние на ребенка посредством методов и приемов, использующихся в процессе его воспитания, а также через способы их реализации. Выбор и реализация того или иного стиля воспитания основываются на эмоционально-ценностном отношении родителя к ребенку и на индивидуальных особенностях родителя (пол, возраст, личностные особенности). Стиль воспитания является поведенческим компонентом в системе родитель–ребенок и определяет то, какие методы и способы будут использоваться для воспитательного воздействия. К характеристикам стиля воспитания можно отнести степень внимания к ребенку, уровень удовлетворения его потребностей, степень и особенности родительского контроля. Понятие «тип семейного воспитания» является более широким и включает в себя большое количество параметров системы родитель–ребенок (эмоциональное отношение, стиль общения и взаимодействия, степень внимания, уровень удовлетворенности потребностей, последовательность в реализации воспитательных воздействий) [Головей Л.А. и др., 2014].

В своем исследовании мы опирались на разработки Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса в области нарушений воспитания [Эйдемиллер Э.Г., 2004] и на концепцию детско-родительского эмоционального взаимодействия Е.И. Захаровой [Захарова Е.И., 2002]. При этом отдельные показатели по методике Э.Г. Эйдемиллера и В. Юстицкиса мы рассматриваем как стилевые характеристики воспитания (уровень протекции, степень удовлетворения потребностей, количество требований к ребенку и пр.) и как психологические особенности матерей, влияющие на процесс воспитания (расширение сферы родительских чувств, воспитательная неуверенность, фобия утраты ребенка и пр.). Показатели по методике Е.И. Захаровой мы

рассматриваем как характеристики эмоционального взаимодействия матерей с детьми.

Ряд отечественных исследований посвящен взаимосвязи выраженности страхов и особенностей семейного воспитания. Так, в исследовании Ю.А. Кочетовой обнаружено, что для детей, чьи страхи находятся выше возрастной нормы, типично воспитание, которое характеризуется низким уровнем эмоциональной близости, недостаточной способностью родителей воспринимать состояние ребенка и понимать его причины, низкой степенью стремления к телесному контакту, низким уровнем принятия ребенка, повышенной тревожностью родителя, непоследовательностью в воспитании и высокой степенью конфронтации внутри семьи. Дети с большим количеством страхов воспринимают семейную ситуацию как эмоционально неблагоприятную, тревожную и конфликтную. По данным исследования, ведущую роль в формировании страхов для детей 5–6 лет занимает низкий уровень принятия ребенка родителями и высокая воспитательная конфронтация, а для детей 6–7 лет — высокий уровень требовательности родителей, строгость и непоследовательность в воспитании [Кочетова Ю.А., 2012]. Для детей 5–6 лет с высоким уровнем страхов характерно нарушение эмоционального отношения в виде низкого уровня эмпатии и телесного контакта, а для детей 6–7 лет характерен низкий уровень ориентации на состояние ребенка со стороны родителя.

По данным И.М. Рюминой и Н.В. Гончаренко, авторитарный тип воспитания связан почти со всеми видами страхов. Это свидетельствует о том, что такой тип воспитания оказывает самое неблагоприятное воздействие на эмоциональную сферу ребенка. Также показана положительная связь между медицинскими страхами, страхами физического ущерба, социально опосредованными страхами, страхом смерти, авторитарностью родителей и эмоциональным отвержением. Принятие ребенка снижает выраженность переживания страха физического ущерба и социально опосредованных страхов. Страх смерти может быть более выражен при высоком уровне принятия ребенка и тесном контакте родителя с ним. Недостаточно тесная связь с родителями может порождать переживание социально опосредованных страхов. В период

дошкольного детства контакт с родителями является одним из наиболее важных, и недостаточно сильное стремление родителей к контакту с ребенком может провоцировать развитие низкой самооценки и различных социальных страхов [Рюмина И.М., Гончаренко Н.В., 2018].

По данным А.И. Захарова, мальчики и девочки, которые считают главой семьи мать, имеют большее количество страхов, что связано с напряжением в общении матери с детьми, тревогой и беспокойством. Дети, оценивающие семейную ситуацию как конфликтную, имеют достоверно больше страхов, особенно девочки, чем дети, оценивающие семейную ситуацию как спокойную и дружную. Среди них наиболее часто встречаются страхи животных, стихий, болезней, смерти, кошмарных снов и родителей [Захаров А.И., 2000]. Также, по его данным, в неполных семьях наблюдается увеличение числа страхов, особенно у мальчиков. Достоверно меньше страхов наблюдается у мальчиков, отцы которых страдают от алкогольной зависимости, по сравнению с мальчиками, чьи отцы не злоупотребляют алкоголем. В этой психотравмирующей ситуации алкоголизация одного из родителей ожидаемо должна увеличивать количество страхов, а не уменьшать. В данном случае можно говорить об адаптации к психотравмирующей ситуации или «профилактике страхов», которая осуществляется за счет постоянного наблюдения расторможенного и, как правило, агрессивного поведения отца, реакция на которое с течением времени становится индифферентной и которое уже не воспринимается как опасное.

Влияние семейных факторов на тревожность дошкольников изучалось как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях. Так, показано, что особенности детско-родительских и внутрисемейных отношений могут создавать условия для психотравмирующей ситуации и вносить большой вклад в возникновение высокого уровня тревожности [Илларионова И.В., 2011]. Исследования, касающиеся связи стиля воспитания и тревожности детей, как правило, фокусируются на трех аспектах взаимодействия: принятия, контроля и моделирования тревожного поведения. Родители, которые принимают негативные переживания ребенка, а не критикуют и не снижают их выраженность, по-

могут им самостоятельно, методом проб и ошибок, адаптироваться к негативным переживаниям, тем самым понижая чувствительность ребенка к тревоге [Gottman J.M. et al., 1997]. Разные проявления родительского контроля, которые подразумевают поощрение зависимости ребенка от родителя, влияют на восприятие ребенком себя как неспособного справиться с влиянием окружающей среды. Таким образом, ребенок воспринимает события как неконтролируемые, что, в свою очередь, способствует увеличению тревожности [Wood J.J. et al., 2003]. Моделирование тревожного поведения транслирует определенный образ восприятия ситуаций. При моделировании тревожного поведения родителем проблемные ситуации воспринимаются ребенком как опасные, что подавляет его попытки решить проблемную ситуацию или совладать с ней. Эти дети приходят к убеждению: что бы они ни делали, способа справиться с проблемой нет [Wood J.J. et al., 2003]. По данным Н.В. Мазуровой и Ю.А. Трофимой, тревожным дошкольникам соответствуют такие стилевые характеристики родительского воспитания, как гиперопека и воспитательная конфронтация [Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013].

Низкий контроль родителей, доверие в контакте родитель–ребенок, эмоциональная близость связаны с благоприятной семейной обстановкой и низкой тревожностью [Смирнова В.О., 2014]. Результаты исследования Е.В. Гольберт, А.О. Степных показали, что в семьях детей с высокой тревожностью преобладают такие стили воспитания, как «отвержение» и «инфантилизация» ребенка, неверие в его силы и возможности. У детей со средним уровнем тревожности обнаружены более благоприятные стили воспитания («признание», «кооперация»), более спокойное и позитивное отношение к неудачам ребенка [Гольберт Е.В., Степных А.О., 2015]. Более высокая тревожность связана с чрезмерностью санкций, гиперпротекцией и расширением сферы родительских чувств [Головей Л.А. и др., 2016]. В данном исследовании также обнаружено влияние структурных характеристик семьи на тревожность дошкольников. Так, у дошкольников из неполных семей уровень тревожности выше, а

также более выражены переживание незащищенности и депрессивность.

Актуальность представленного нами исследования заключается не только в уточнении данных, касающихся выраженности и особенностей страхов и тревожности старших дошкольников, но и в изучении влияния на них комплекса семейных факторов, включающего как содержательные, так и структурные характеристики семьи. Кроме того, в результате нашего пилотажного исследования были обнаружены закономерности, свидетельствующие о компенсаторных механизмах в развитии эмоциональной сферы, в том числе в развитии страхов и тревожности, которые требуют дальнейшего уточнения.

Организация и методы эмпирического исследования

Целью исследования являлось выявление возрастно-половых и семейных факторов выраженности страхов и тревожности у старших дошкольников. При этом в качестве семейных факторов выступали структурные и содержательные характеристики семьи. К первому блоку относятся полнота семьи, наличие сиблингов, ко второму — стилевые характеристики воспитания, психологические особенности матерей, влияющие на воспитание и особенности эмоционального взаимодействия матерей с детьми.

Гипотезы исследования:

1. Выраженность страхов и тревожности старших дошкольников опосредована возрастно-половыми факторами: у девочек более выражены страхи и тревожность как взаимосвязанные феномены, у детей 6 лет выраженность страхов и тревожности выше в связи с активным развитием когнитивной и эмоциональной сферы.

2. На выраженность страхов и тревожности большее влияние оказывают содержательные характеристики семьи, чем структурные. Так, предикторами отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности в старшем дошкольном возрасте могут являться зрелость стилевых характеристик воспитания и благополучие в эмоциональном взаимодействии матерей с детьми. Выраженность страхов и тревожности выше у детей из неполных семей.

Исследование проводилось в 2017–2018 гг. на базах ГБДОУ № 120 и ГАДОУ № 53 г. Санкт-Петербурга. В нем приняли участие 160 чел. — 80 диад мать–ребенок (38 мальчиков и 42 девочки), возраст детей — от 5 до 6 лет, средний возраст — 5 лет 4 мес., 67 детей (84 %) из полных семей, 13 детей (16 %) из неполных семей. 27 детей (34 %) — единственные и 53 ребенка (66 %) имеют сиблингов. 80 % матерей имеют высшее образование, 4 % матерей имеют незаконченное высшее образование, 15 % — среднее специальное образование, 1 % — среднее. По возрасту было выделено 2 группы: 44 ребенка 5 лет (20 мальчиков и 24 девочки) и 36 детей 6 лет (18 мальчиков и 18 девочек). Возраст матерей — от 24 до 58 лет, средний возраст — 35 лет.

Методы исследования: тест на выявление детских страхов А.И. Захарова, М. Панфиловой [Захаров А.И., 2000], тест тревожности (Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен) [Практикум по возрастной психологии..., 2002], опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса [Эйдемиллер Э.Г., 2004] и опросник эмоциональных отношений в семье Е.И. Захаровой [Захарова Е.И. 2002].

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью программы IBM SPSS Statistics 21: применялась описательная статистика, проводился дисперсионный анализ по факторам возраста, пола, структуры семьи (полная/неполная и наличие сиблингов) и множественный регрессионный анализ.

Результаты исследования

Проведенное исследование выявило, что у дошкольников нашей выборки выражены все виды страхов (табл. 1). Наиболее выражены страх смерти (страх собственной смерти, смерти родителей), страхи животных и сказочных персонажей, страхи физического ущерба (войны, стихий, пожара, неожиданных звуков, транспорта). Обнаружены статистически достоверные различия в страхах по фактору пола. Так, у девочек более выражены страхи животных и сказочных персонажей ($p \leq 0,01$), а также страхи физического ущерба и социальные страхи ($p < 0,05$). Закономерно, что у девочек общее количество страхов больше ($p < 0,05$).

Таблица 1. Показатели страхов и тревожности на общей выборке и с учетом пола

	Вся выборка (n = 80)		Мальчики (n = 38)		Девочки (n = 42)		Значимость различий	
	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	Ср. знач.	Ст. откл.	F-кр.	Знач.
Тест на выявление детских страхов А.И. Захарова, М. Панфиловой								
Общее кол-во страхов (max = 29)	9,6	5,7	8,2	4,7	11,0	6,2	4,74	0,03
Медицинские страхи (max = 5)	1,4	1,4	1,2	1,2	1,7	1,5	—	—
Страхи физического ущерба (max = 6)	2,3	1,8	1,9	1,6	2,7	1,9	4,25	0,04
Страхи животных и сказочных персонажей (max = 2)	0,9	0,8	0,7	0,7	1,1	0,7	6,90	0,01
Социально опосредованные страхи (max = 6)	1,6	1,3	1,3	1,2	1,9	1,3	4,03	0,04
Страх смерти (max = 2)	1,5	0,8	1,4	0,8	1,6	0,7	—	—
Пространственные страхи (max = 5)	0,9	1,0	0,9	0,9	1,0	1,1	—	—
Страхи кошмарных снов (max = 3)	0,9	0,9	0,9	0,9	0,9	0,8	—	—
Тест тревожности Р. Тэммл, М. Дорки, В. Амен								
Индекс тревожности (max = 100 %)	55,1	21,1	51,9	22,9	58,0	19,3	—	—

Различий по факторам возраста и структуры семьи (полная/неполная) не выявлено, но обнаружены статистически достоверные различия в страхах по фактору наличия сиблингов. Так, у детей, имеющих сиблингов, более выражены медицинские страхи, чем у единственных в семье детей ($F = 4,35$, $p < 0,05$).

У дошкольников нашей выборки выявлен высокий уровень тревожности (рис. 1). Так, вы-

сокий уровень тревожности обнаружен у 53 % детей, средний уровень тревожности — у 43 % детей, низкий уровень тревожности — у 4 % детей. Достоверных различий в выраженности тревожности в связи с факторами пола, возраста и структурными характеристиками семьи не было обнаружено.

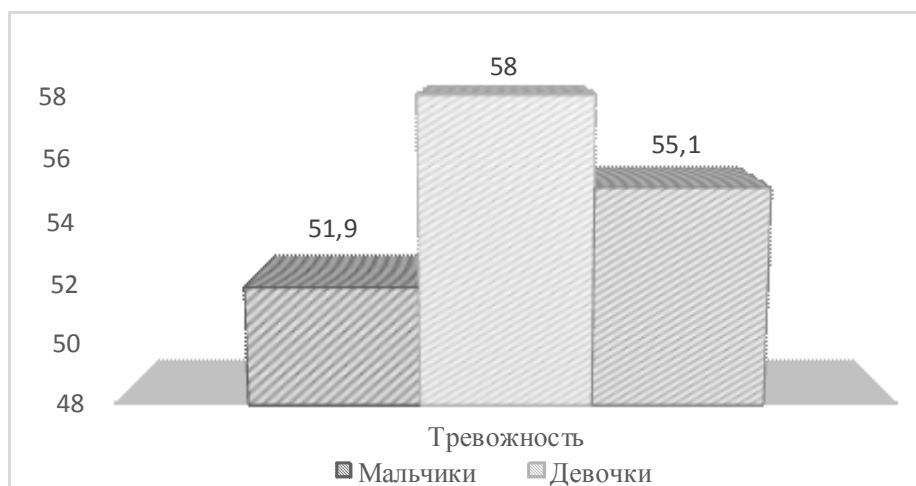

Рис. 1. Выраженность тревожности у дошкольников (*низкий уровень — от 0 до 20 %, средний уровень — от 20 до 50 %, высокий уровень — выше 50 %)

Перейдем к рассмотрению результатов регрессионного анализа. Регрессионный анализ проводился на всей выборке, а также на выборке девочек и мальчиков с целью выявления стилевых характеристик воспитания и особен-

ностей эмоционального взаимодействия матерей как предикторов страхов и тревожности.

Рассмотрим результаты регрессионного анализа на общей выборке для показателя общего количества страхов у детей (табл. 2).

Таблица 2. Данные регрессионного анализа для модели с общим показателем страхов на всей выборке

Модель для страхов ($R = 0,372$, R квадрат = $0,138$)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	T	Знач.
	B	Стд. ошибка	Бета		
1 (Константа)	12,867	1,094	—	11,753	0,000
1. Расширение сферы родительских чувств	-1,313	0,379	-0,372	-3,470	0,001

Значение R квадрата равно 0,138, что показывает, что 14 % дисперсии переменной «Общее количество страхов» обусловлено влиянием данного предиктора. На всей выборке общее количество страхов больше у тех детей, матери

которых в меньшей степени склонны к расширению сферы родительских чувств ($p < 0,001$).

Рассмотрим результаты регрессионного анализа на общей выборке для показателя тревожности дошкольников (табл. 3).

Таблица 3. Данные регрессионного анализа для модели с показателем тревожности на всей выборке

Модель для тревожности ($R = 0,350$, R квадрат = $0,123$)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	T	Знач.
	B	Стд. ошибка	Бета		
2 (Константа)	54,584	3,254	—	16,773	0,000
1. Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания	-7,876	3,139	-0,276	-2,509	0,014
2. Чрезмерность санкций	5,826	2,739	0,234	2,127	0,037

Значение R квадрата равно 0,123, что показывает, что 12 % дисперсии переменной «Тревожность» обусловлено влиянием данных предикторов. На всей выборке тревожность выше у тех детей, матери которых более склонны к

строгим наказаниям, и ниже у детей, в семье которых наблюдаются конфликты ($p < 0,05$). Возможно, последняя взаимосвязь объясняется адаптацией ребенка к конфликтной ситуации в

семье, что делает его менее чувствительным к восприятию проблемных ситуаций.

Перейдем к рассмотрению результатов регрессионного анализа на выборке мальчиков (табл. 4, 5).

Таблица 4. Данные регрессионного анализа для модели с общим показателем страхов на выборке мальчиков

Модель для страхов ($R = 0,471$, R квадрат = 0,222)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка	Бета		
1 (Константа)	12,552	1,580	–	7,946	0,000
1. Гиперпротекция	-0,912	0,297	-0,471	-3,066	0,004

Значение R квадрата равно 0,222, что показывает, что 22 % дисперсии переменной «Общее количество страхов» обусловлено влияни-

ем данного предиктора. У мальчиков общее количество страхов меньше при гиперпротекции ($p < 0,01$).

Таблица 5. Данные регрессионного анализа для модели с показателем тревожности на выборке мальчиков

Модель для тревожности ($R = 0,720$, R квадрат = 0,518)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка	Бета		
4 (Константа)	-53,884	24,206		-2,226	0,034
1. Принятие родительской роли	23,774	5,445	0,786	4,366	0,000
2. Чрезмерность санкций	14,557	3,899	0,513	3,734	0,001
3. Игнорирование потребностей ребенка	15,079	5,600	0,497	2,693	0,012
4. Неразвитость родительских чувств	-5,759	2,767	-0,289	-2,081	0,046

Значение R квадрата равно 0,518, что показывает, что 52 % дисперсии переменной «Тревожность» обусловлено влиянием данных предикторов. У мальчиков тревожность выше при принятии матерями родительской роли ($p < 0,001$), чрезмерности санкций ($p < 0,001$), игнорировании ими потребностей ребенка ($p < 0,05$) и меньше при неразвитости родительских чувств к ним ($p < 0,05$). Взаимосвязь принятия матерями родительской роли и высо-

кой тревожности мальчиков, возможно, обусловлена высокой ответственностью матерей по отношению к воспитанию детей, которая отражается и на их собственной тревожности. Последнее может быть связано с некоторой педагогической запущенностью ребенка, что может сочетаться с его невысокой тревожностью.

Теперь перейдем к рассмотрению результатов регрессионного анализа на выборке девочек (табл. 6, 7).

Таблица 6. Данные регрессионного анализа для модели с общим показателем страхов на выборке девочек

Модель для страхов ($R = 0,525$, R квадрат = 0,276)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	Т	Знач.
	В	Стд. ошибка	Бета		
2 (Константа)	13,049	1,521	–	8,578	0,000
1. Расширение сферы родительских чувств	-1,856	0,577	-0,444	-3,218	0,003
2. Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств	2,069	0,795	0,360	2,605	0,013

Значение R квадрата равно 0,276, что показывает, что 28 % дисперсии переменной «Общее количество страхов» обусловлено влиянием данных предикторов. У девочек общее количество страхов меньше при расширении сферы родительских чувств ($p < 0,01$) и больше при проекции матерями на ребенка собственных

нежелательных качеств ($p < 0,05$). Возможно, первая взаимосвязь обусловлена погруженностью матери в жизнь ребенка в определенной мере (средние значения показателя «Расширение сферы родительских чувств» — низкие), что скорее выступает конструктивным фактором в плане снижения страхов у девочек.

Таблица 7. Данные регрессионного анализа для модели с показателем тревожности на выборке девочек

Модель для тревожности ($R = 0,324$, R квадрат = 0,105)	Нестандартизированный коэффициент		Стандартизированный коэффициент	T	Знач.
	B	Стд. ошибка	Бета		
1 (Константа)	70,493	6,444	—	10,939	0,000
1. Гиперпротекция	-2,936	1,354	-0,324	-2,168	0,036

Значение R квадрата равно 0,105, что показывает, что 10 % дисперсии переменной «Тревожность» обусловлено влиянием данного предиктора. У девочек тревожность ниже при гиперпротекции ($p < 0,05$).

Обсуждение результатов

Исследование показало, что у старших дошкольников нашей выборки выражены все виды страхов, при этом у девочек выраженность страхов больше. Эти данные согласуются с данными других исследований [Захаров А.И., 2000; Chaplin T.M., Aldao A., 2013; Olino T.M. et al., 2013]. Кроме того, обнаружено, что у детей, имеющих сиблингов, в большей степени выражены медицинские страхи чем у тех, кто является единственным ребенком в семье. Возможно, имея брата или сестру, ребенок чаще сталкивается с ситуациями, способствующему возникновению этих страхов.

Дошкольники характеризуются высоким уровнем тревожности, при этом различий в выраженности тревожности по фактору пола, как и по другим изучаемым факторам, не обнаружено. В исследовании И.Г. Швеца, Н.В. Мазуровой, Ю.А. Трофимовой у старших дошкольников также выявлен высокий уровень тревожности, но наиболее тревожными оказались мальчики [Швец И.Г., 2001; Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А., 2013]. Данные, полученные в исследовании Р.Ш. Сабировой, Г.У. Сатеновой, свидетельствуют о том, что мальчики характеризуются низким уровнем тревожности, а девочки — средним, что противоречит получен-

ными нами данным [Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У., 2016]. По данным Н.Н. Смирновой, старшие дошкольники характеризуются средней степенью выраженности тревожности, что не согласуется с полученными нами данными, но результаты исследования Н.Н. Смирновой соответствуют нашим в том, что значимых различий в выраженности тревожности у мальчиков и девочек нет [Смирнова Н.Н., 2019].

Результаты регрессионного анализа, проведенного на всей выборке, показали небольшое количество предикторов для параметров страхов и тревожности из числа стилевых характеристик воспитания и личностных особенностей матерей. Выявлен один предиктор для страхов и два предиктора тревожности. Так, можно говорить о позитивном влиянии расширения сферы родительских чувств для снижения выраженности страхов у старших дошкольников. Это можно объяснить тем, что матери включены в жизнь ребенка в определенной мере (средние показатели не достигают критических значений), что выступает конструктивным фактором в отношении снижения страхов у детей. Строгость матерей, их склонность к наказаниям детей увеличивает тревожность дошкольников. В то же время при конфликтных отношениях родителей в семье и вынесении конфликтов в сферу воспитания дети вынуждены адаптироваться к ситуации психического напряжения, и в результате тревожность у них оказывается менее выраженной.

Регрессионный анализ на выборке мальчиков показал, что у них наименьшая выраженность

страхов наблюдается при гиперпротекции. На первый взгляд полученные данные вступают в противоречие с данными И.М. Рюминой, Н.В. Гончаренко о том, что авторитарный стиль воспитания оказывает самое неблагоприятное воздействие на возникновение страхов у ребенка и на его эмоциональную сферу в целом [Рюмина И.М., Гончаренко Н.В., 2018]. Но следует отметить, что в нашем исследовании для матерей характерна скорее потворствующая гиперпротекция. При таком стиле воспитания матери демонстрируют мягкость, неуверенность, чрезмерную опеку. В результате потворствующая гиперпротекция в определенной мере играет скорее не негативную роль в возникновении страхов у старших дошкольников, особенно у мальчиков, а роль некоторого оберегающего буфера. Тем не менее следует помнить, что родителям важно перестраивать свое поведение по мере взросления ребенка и давать ему больше самостоятельности. Что касается тревожности, то у мальчиков при чрезмерности санкций и игнорировании матерью их потребностей, тревожность выше, и это является закономерным. Эти данные согласуются с данными И.В. Илларионовой, которые показывают, что при авторитарном стиле воспитания у детей отмечается высокая тревожность [Илларионова И.В., 2011]. Кроме того, у мальчиков тревожность выше при более высоких показателях принятия матерями родительской роли и ниже при неразвитости родительских чувств. Первая взаимосвязь может быть объяснена ответственным отношением матерей к воспитанию, что повышает уровень их собственной тревожности. Последняя взаимосвязь может объясняться некоторой педагогической запущенностью ребенка, которая сказывается на его когнитивной и эмоциональной сфере и, возможно, искажает восприятие проблемных ситуаций, что обуславливает низкую тревожность.

Регрессионный анализ на выборке девочек показал, что выраженность страхов у девочек больше при проекции матерью на ребенка собственных нежелательных качеств и меньше при расширении сферы родительских чувств. Последняя взаимосвязь повторяет закономерность для общей выборки. Тревожность у девочек ниже при гиперпротекции, что также свидетельствует о ее конструктивной роли в качестве

буфера, который может способствовать снижению тревожности.

Таким образом, выдвинутые в исследовании гипотезы частично подтвердились. У девочек в большей степени по сравнению с мальчиками выражены страхи, но не тревожность, различий по факторам возраста и структуры семьи (полная/неполная) не обнаружено. Что касается последнего факта, то, возможно, это связано с небольшим количеством неполных семей в нашем исследовании. Действительно, влияние содержательных характеристик семьи на страхи и тревожность более значимо, чем влияние структурных. Так, зрелые стилевые характеристики воспитания выступают предикторами для отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности. При этом обнаружено, что те стилевые характеристики воспитания, которые указывают на эмоциональную включенность и мягкость, но не считаются зрелыми, также являются предикторами для эмоционального благополучия дошкольников. Предикторов эмоционального взаимодействия матерей с детьми, оказывающих влияние на эмоциональное благополучие дошкольников, не обнаружено. Этот неожиданный на первый взгляд факт можно объяснить тем, что более чувствительные и внимательные к детям матери могут сами обладать высоким уровнем тревожности, которая может передаваться детям и нивелировать положительный эффект.

Выводы

Проведенное исследование частично подтвердило выдвинутые гипотезы и позволило сформулировать следующие выводы:

1. Общее количество страхов у старших дошкольников соответствует возрастной норме, при этом у них выявлен высокий уровень тревожности. И в большей степени у них выражены страхи смерти, животных и сказочных персонажей, страхи, связанные с причинением физического ущерба. Девочки характеризуются более высоким уровнем выраженности страхов. У детей, имеющих сиблингов, по сравнению с теми, у кого нет братьев и сестер, более выражены медицинские страхи. С точки зрения факторов возраста и структуры семьи (полная/неполная) различий не выявлено.

2. Регрессионный анализ на всей выборке выявил небольшое количество предикторов для

параметров эмоционального развития старших дошкольников из числа стилевых характеристик воспитания. Расширение сферы родительских чувств снижает страхи, а тревожность увеличивается при чрезмерности санкций, но становится менее выраженной при вынесении конфликта в сферу воспитания.

3. Регрессионный анализ на выборке мальчиков выявил, что общее количество страхов меньше при гиперпротекции. Тревожность выше при более выраженном принятии матерями родительской роли, чрезмерности санкций, игнорировании потребностей ребенка и ниже при неразвитости родительских чувств.

4. Регрессионный анализ на выборке девочек выявил, что общее количество страхов у девочек больше при проекции матерью на ребенка собственных нежелательных качеств и меньше при расширении сферы родительских чувств. Тревожность у девочек ниже при гиперпротекции.

Таким образом, наибольшее влияние на страхи и тревожность старших дошкольников оказывают содержательные характеристики семьи: стилевые характеристики воспитания и психологические особенности матерей, связанные с воспитанием. Влияние возрастнополовых факторов и структурных характеристик семьи менее значимо. При этом стилевые характеристики воспитания и психологические особенности матерей, выявленные посредством методики «Анализ семейных взаимоотношений», играют неоднозначную роль в формировании страхов и тревожности у старших дошкольников. Зрелые стилевые характеристики воспитания выступают предикторами для отсутствия ярко выраженных страхов и умеренной тревожности. В то же время выявлено снижение страхов и тревожности у детей при ряде факторов, которые не являются показателями зрелости стилевых характеристик воспитания, таких как гиперпротекция, расширение сферы родительских чувств и неразвитость родительских чувств.

Ограничением нашего исследования является то, что результаты, полученные по показателю тревожности, не могут быть распространены на генеральную совокупность детей старшего дошкольного возраста, поскольку распределение по данному показателю нельзя считать нормальным. Еще одним ограничением исследова-

ния является малочисленность группы детей из неполных семей.

Список литературы

Битнер А.Д. Страхи дошкольников // Научные достижения и открытия современной молодежи: сб. статей победителей Междунар. науч.-практ. конференции: в 2 ч. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 1033–1037.

Головей Л.А., Василенко В.Е., Савенышева С.С. Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 2. С. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070201>

Головей Л.А., Савенышева С.С., Василенко В.Е., Энгельгардт Е.Е. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «Родитель–ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2014. № 2. С. 84–95.

Гольберт Е.В., Степных А.О. Влияние стиля семейного воспитания на тревожность детей старшего дошкольного возраста // Дошкольное образование в современном изменяющемся мире: теория и практика: III Междунар. науч.-практ. конференция: сб. ст. / под ред. А.И. Улзытуевой; Забайкал. гос. ун-т. Чита, 2015. С. 298–301.

Захарова Е.И. Эмоциональная сторона детско-родительского взаимодействия // Психолог в детском саду. 2002. № 1. С. 3–29.

Захаров А.И. Дневные и ночные страхи у детей. СПб.: Союз, 2000. 448 с.

Илларионова И.В. Исследование проявлений тревожности у детей дошкольного возраста в аспекте детско-родительских отношений // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2011. № 3(71), ч. 2. С. 100–107.

Кочетова Ю.А. Страхи современных дошкольников и их связь с особенностями детско-родительских отношений // Психологическая наука и образование. 2012. № 3. С. 77–87.

Мазурова Н.В., Трофимова Ю.А. Взаимосвязь тревожности детей дошкольного возраста и стиля семейного воспитания // Вопросы современной педиатрии. 2013. Т. 12, № 3. С. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v12i3.686>

Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых СПб.: Питер, 2011. 440 с.

Практикум по возрастной психологии / под ред. Л.А. Головей, Е.Ф. Рыбалко. СПб.: Речь, 2002. 694 с.

Прихожан А.М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика. М.: МПСИ; Воронеж: МОДЭК, 2000. 304 с.

Рюмина И.М., Гончаренко Н.В. Влияние типа детско-родительских отношений на содержание страхов у детей старшего дошкольного возраста // Научные исследования современности: от разработки к внедрению: сб. науч. тр. по материалам I Междунар. науч.-практ. конференции (31 мая 2018 г., Смоленск). Смоленск, 2018. С. 85–89.

Сабирова Р.Ш., Сатенова Г.У. Изучение особенностей страхов и тревоги у детей дошкольного возраста // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 6–3. С. 582–586.

Смирнова В.О. Особенности проявления тревожности и агрессивности у детей старшего дошкольного возраста в связи с детско-родительскими отношениями // Вестник Пермского Государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 176–183.

Смирнова Н.Н. Влияние детско-родительского эмоционального взаимодействия на тревожность детей старшего дошкольного возраста // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 62–3. С. 305–308.

Фаустова И.В. Влияние нарушенных детско-родительских отношений на проявление эмоционального неблагополучия в дошкольном возрасте // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 5. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22235> (дата обращения: 11.04.2019).

Чернобровкина С.В., Гусарова В.В. Воображение как фактор проявления тревожности и страхов дошкольников // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2016. № 2. С. 42–52.

Швец И.Г. Родительно-детские отношения как фактор формирования тревожности у старших дошкольников: дис. ... канд. психол. наук. Ярославль, 2001. 181 с.

Эйдемиллер Э.Г. Детская психиатрия: учеб. для вузов. СПб.: Питер, 2004. 1120 с.

Brody L.R., Hall J.A. Gender and emotion in context // Handbook of emotions /ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. 3rd ed. N.Y.: Guilford, 2008. P. 395–408.

Chaplin T.M., Aldao A. Gender differences in emotion expression in children: A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2013. Vol. 139, iss. 4. P. 735–765. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0030737>

Gottman J.M., Katz L.F., Hooven C. Meta-emotion: how families communicate. London, N.Y.: Routledge, 1997. 384 p.

Olino T.M., Durbin C.E., Klein D.N. et al. Gender differences in young children's temperament traits: Comparisons across observational and parent-report methods // Journal of Personality. 2013. Vol. 81, iss. 2. P. 119–129. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12000>

Root A.K., Denham S.A. The role of gender in the socialization of emotion: Key concepts and critical issues // New Directions for Child and Adolescent Development. 2010. Vol. 2010, iss. 128. P. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1002/cd.265>

Wood J.J., McLeod B.D., Sigman M. et al. Parenting and childhood anxiety: theory, empirical findings, and future directions // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2003. Vol. 44, iss. 1. P. 134–151. DOI: <https://doi.org/10.1111/1469-7610.00106>

Получено 12.09.2019

References

Bitner, A.D. (2017). *Strakhi doshkol'nikov* [Fears preschoolers]. *Nauchnye dostizheniya i otkrytiya sovremennoy molodezhi* [Scientific achievements and discoveries of modern youth]. Penza: Nauka i Prosveschenie Publ., pp. 1033–1037.

Brody, L.R. and Hall, J.A. (2008). Gender, emotion, and context. *Handbook of emotions*, ed. by M. Lewis, J.M. Haviland-Jones, L.F. Barrett. New York: Guilford Publ., pp. 395–408.

Chaplin, T.M. and Aldao, A. (2013). Gender differences in emotion expression in children: A meta-analytic review. *Psychological Bulletin*. No. 139, iss. 4, pp. 735–765. DOI: <https://doi.org/10.1037/a0030737>

Chernobrovkina, S.V. and Gusarova, V.V. (2016). *Voobrazhenie kak faktor proyavleniya trevozhnosti i strakhov doshkol'nikov* [Imagination as the risk factor of anxiety and fears at preschoolers]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psikhologiya* [Herald of Omsk University. Series «Psychology»]. No. 2, pp. 42–52.

Eydemiller, E.G. (2004). *Detskaya psikhiatriya* [Child psychiatry]. Saint Petersburg: Piter Publ., 1120 p.

Faustova, I.V. (2015). *Vliyanie narushennykh detsko-roditel'skikh otnosheniy na proyavlenie emotsional'nogo neblagopoluchiya v doshkol'nom vozraste* [The impact of disrupted parent-child relationship on the manifestation of emotional problems at preschool age]. *Sovremennye problemy nauki i*

obrazovaniya [Modern Problems of Science and Education]. No. 5. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=22235> (accessed 11.04.2019).

Golovey, L.A., Vasilenko, V.E. and Savenysheva, S.S. (2016). *Struktura sem'i i semeynoe vospitanie kak faktory razvitiya lichnosti doshkol'nika* [Family structure and family education as factors for personal development of preschooler]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo* [Social Psychology and Society]. Vol. 7, no. 2, pp. 5–18. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2016070201>

Golovey, L.A., Savenysheva, S.S., Vasilenko, V.E. and Engel'gardt, E.E. (2014). *K probleme differentsiatsii osnovnykh ponyatiy v sisteme otnosheniy «Roditel' – rebenok»: teoreticheskiy i empiricheskiy aspekty* [On basic concept differentiation in the «parent – child» system of relations: theoretical and empirical aspects]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika* [Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Education]. No. 2, pp. 84–95.

Gol'bert, E.V. and Stepnykh, A.O. (2015). *Vliyanie semeynogo vospitaniya na trevozhnost' detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [Influence of style of family education on uneasiness of children of the advanced preschool age]. *Doshkol'noe obrazovanie v sovremennom izmenyayushchemsya mire: teoriya i praktika: III Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya* [Preschool education in today's changing world: theory and practice: 3rd International scientific and practical conference]. Chita: TSU Publ., pp. 298–301.

Gottman, J.M., Katz, L.F. and Hooven, C. (1997). *Meta-emotion: how families communicate*. London, New York: Routledge Publ., p. 384.

Illarionova, I.V. (2011). *Issledovanie proyavleniy trevozhnosti u detey doshkol'nogo vozrasta v aspekte detsko-roditel'skikh otnosheniy* [The research study of manifestation of anxiety of pre-school children in the aspect of child-parent relationship]. *Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.Ya. Yakovleva* [I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin]. No. 3(71), pt. 2, pp. 100–107.

Kochetova, Yu.A. (2012). *Strakhi sovremennykh doshkol'nikov i ikh svyaz' s osobennostyami detsko-roditel'skikh otnosheniy* [Fears of modern preschoolers and their connection with peculiarities of child-parent relations]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education]. No. 3, pp. 77–87.

Mazurova, N.V. and Trofimova, Yu.A. (2013). *Vzaimosvyaz' trevozhnosti detey doshkol'nogo vozrasta i stilya semeynogo vospitaniya* [Correlation between preschool children anxiety and style of family upbringing]. *Voprosy sovremennoy pediatrii* [Current Pediatrics]. Vol. 12, no. 3, pp. 82–88. DOI: <https://doi.org/10.15690/vsp.v12i3.686>

Olino, T.M., Durbin, C.E., Klein, D.N. et al. (2013). Gender differences in young children's temperament traits: Comparisons across observational and parent-report methods. *Journal of Personality*. Vol. 81, iss. 2, pp. 119–129. DOI: <https://doi.org/10.1111/jopy.12000>

Osorina, M.V. (2013). *Sekretnyy mir detey v prostranstve mira vzroslykh* [Secret world of children in the space the adult world]. Saint Petersburg: Piter Publ., 440 p.

Golovey, E.F. and Rybalko, L.A. (eds.) (2002). *Praktikum po vozrastnoy psikhologii* [Age-related psychology workshop]. Saint Petersburg: Rech' Publ., 694 p.

Prikhozhan, A.M. (2000). *Trevozhnost' u detey i podrostkov: psikhologicheskaya priroda i vozrastnaya dinamika* [Anxiety of children and adolescents: the psychological nature and age dynamics]. Moscow: MPSI, Voronezh: MODEK Publ., 304 p.

Root, A.K. and Denham, S.A. (2010). The role of gender in the socialization of emotion: Key concepts and critical issues. *New Directions for Child and Adolescent Development*. Vol. 2010, iss. 128, pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1002/cd.265>

Ryumina, I.M. and Goncharenko, N.V. (2018). *Vliyanie tipa detsko-roditel'skikh otnosheniy na soderzhanie strakhov u detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [The influence of the type of parent-child relationships on the content of children fears in pre-school age]. *Nauchnye issledovaniya sovremennosti: ot razrabotki k vnedreniyu* [Scientific research of the present: from development to implementation]. Smolensk, pp. 85–89.

Sabirova, R.Sh. and Satenova, G.U. (2016). *Izucheniye osobennostey strakhov i trevogi u detey doshkol'nogo vozrasta* [Study of features of fears and anxiety in preschool age]. *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. No 6–3, pp. 582–586.

Shvets, I.G. (2001). *Roditel'sko-detskie otnosheniya kak faktor formirovaniya trevozhnosti u starshikh doshkol'nikov: dis. ... kand. psikhol. nauk* [Parent-child relationships as a factor in the formation of anxiety in older preschoolers: dissertation]. Yaroslavl, 181 p.

Smirnova, N.N. (2019). *Vliyaniye detsko-roditel'skogo emotsional'nogo vzaimodeystviya na trevozhnost' detey starshego doshkol'nogo vozrasta* [Influence of parent-child emotional interaction on anxiety of preschool children]. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya* [Problems of Modern Pedagogical Education]. No. 62–3, pp. 305–308.

Smirnova, V.O. (2014). *Osobennosti proyavleniya trevozhnosti i agressivnosti u detey starshego doshkol'nogo vozrasta v svyazi s detsko-roditel'skimi otnosheniyami* [Peculiarities of manifestations of anxiety and aggression in children of preschool age in connection with child-parent relationships]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya No. 1. Psikhologicheskie pedagogicheskie nauki* [Vestnik of Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 1.

Psychological and Pedagogical Sciences]. No. 1, pp. 176–183.

Wood, J.J., McLeod, B.D., Sigman, M., et al. (2013). *Parenting and childhood anxiety: theory, empirical findings, and future directions*. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. Vol. 44, iss. 1, pp. 134–151. DOI: <https://doi.org/10.1111/1469-7610.00106>

Zakharov, A.I. (2000). *Dnevnye i nochnye strakhi u detey* [Day and night fears of children]. Saint Petersburg: Soyuz Publ., 448 p.

Zakharova, E.I. (2002). *Emotsional'naya storona detsko-roditel'skogo vzaimodeystviya* [The emotional side of parent-child interaction]. *Psikholog v detskom sadu* [Psychologist in Kindergarten]. No. 1, pp. 3–29.

Received 12.09.2019

Об авторе

Сергуничева Надежда Александровна
психолог

Центр социальной реабилитации
и речевого развития «Иначе»,
199155, Санкт-Петербург, ул. Железноводская, 9А;
e-mail: sergunicheva.n@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-8068>

About the author

Nadezhda A. Sergunicheva
psychologist

Center of Social Rehabilitation
and Speech Development «Inache»,
9A, Zheleznovodskaya st., Saint-Petersburg,
199155, Russia;
e-mail: ergunicheva.n@gmail.com
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9728-8068>

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сергуничева Н.А. Возрастно-половые и семейные факторы страхов и тревожности у старших дошкольников // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 561–574. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-561-574

For citation:

Sergunicheva N.A. [Age, gender and family factors of fears and anxiety in older preschoolers]. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologia* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2019, issue 4, pp. 561–574 (in Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2019-4-561-574